

Первое и самое простое, что надо сказать и легко запомнить о сотворении мира, — это триада «темно, холодно, мокро». Это основное, базовое представление о мире до бытия, которое нам более-менее известно при знании мифологии в объеме Библии. «Тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» — вот вам воды, вот вам темнота. Тему изначального холода дает, например, скандинавская «Эдда», где с севера идет лед, с юга летят искры огня, от этого возникают первые существа. Но первое и главное, что мы воспринимаем в картине мира до бытия, — воды.

Вода воспринимается в мифологии четко как стихия потусторонняя, как стихия опасная, как стихия смертоносная. Это довольно

странно, поскольку от воды зависит жизнь. Тем не менее вода — это атрибут Нижнего мира. Вспоминаем лекцию о мировой оси*: у корней мирового дерева находится источник знаний (в буквальном смысле!), но заметьте, что если мы посмотрим конкретные сказания о тех, кто из этого источника пил, то ничего хорошего там не будет. Это им не дает счастья, это им не дает благополучия. Те, кто знаком со скандинавской мифологией, прекрасно знают, что у корней мирового дерева находится источник мудрости. Верховный бог Один, чтобы выпить из него, вынужден отдать свой глаз. Мы сейчас не будем разбирать этот образ, важно другое. Он отдает глаз своему дяде, и поскольку у Одина это не вызвало ни малейшего восторга, то дядю он потом губит. Истории, связанные с источником мудрости, драматичны.

Вода — женская стихия. Вследствие этого она более или менее опасна. Представление о том, что вода — воплощение изначально-

* Баркова А. Л. Введение в мифологию. М., 2018. С. 19.

го хаоса или, в лучшем случае, потустороннего мира, очень устойчивое. Соответственно, если изначальное состояние мира было «мокро», то вполне логично, что сотворение мира начинается с сотворения суши. Какие примеры мы знаем? Если мы берем египетскую мифологию, то там из изначального океана поднимается первый земляной холм Атум. При этом Атум вполне себе персонаж, сам себя оплодотворяет, дальше начинается развитие сюжета — знаменитая гелиопольская генеалогия (девятка богов, его дети, внуки и так далее). Но при всех сюжетных перипетиях Атум — первый земляной холм, поднявшийся в водном хаосе.

В какой еще мифологии очень широко представлена тема изначальной воды? Это финно-угры. Финно-угорская мифология достаточно архаична, слабо развита и начинается она, с завидной регулярностью, с того, что были изначальные беспредельные воды, затем летит утка, ныряет, приносит кусочек земли, иногда свивает гнездо на колене Вяйнемейнена. Те, кто с финно-угорской и конкретно

с финской мифологией знаком, обычно знают ее по «Калевале» Лённрота. Элиас Лённрот обрабатывал народные сказания и делал это достаточно авторски. В народных финских сказаниях (не у Лённрота) великий певец Вяйнемейнен неким непостижимым образом оказывается в этих водах, плавает там, поднимает из воды колено и на этом колене утка свивает гнездо, а затем из ее яиц получают элементы мира. Опять же это тема холма, поднявшегося над первозданными водами, — колено Вяйнемейнена.

Если изначально было «темно», то сотворение мира начинается с возникновения света. Наиболее известный пример — книга Бытия, «Да будет свет!». Однако обратите внимание на следующую любопытную вещь. Если мы берем даже библейскую версию, то там сначала создается свет и значительно позже создаются светила (солнце, луна, звезды). Достоевский в «Братьях Карамазовых» устами крайне неположительного героя Смердякова выражал, похоже, собственные проблемы с восприятием Библии: рассуждал, что если

свет возник сразу, а солнце и луна значительно позже, то откуда же был свет в первый день? Этот вопрос задавали не только во времена Федора Михайловича, задавали его гораздо раньше. В поучениях древнерусских церковников, в поучениях против язычества в одном из случаев говорится любопытная фраза: «вещь бо есть солнце свету», то есть солнце только воплощение света. Есть изначальный Божественный свет — и есть солнце, которое когда на небе — хорошо, когда его нет — не страшно. И здесь обратите внимание на такую чрезвычайно важную вещь. Если мы с вами посмотрим на разные мифологии, то обнаружим, что боги света и боги солнца — это как минимум боги разные. А как максимум... сейчас увидим. Кто в Греции бог света? Аполлон. Его стрелы — это лучи, а то, что он чем архаичнее, тем страшнее с этими стрелами, — особенности нормальной мифологии. Сколько мифов про Аполлона? Больше, чем вы можете запомнить. Кто бог солнца? Гелиос. Сколько мифов про Гелиоса? Чуть больше одного: у Ге-

ракла с Гелиосом были проблемы (скорее, наоборот, у Гелиоса с Гераклом!), и еще про Фаятона мы знаем, и на этом примерно всё. Что такое культ Аполлона? Мощнейший культ (и Дельфы, и жертвоприношения на Ареопаге, и Аполлон Столбовой, и Ликейский, и это я еще про муз не упоминаю...). Что такое культ Гелиоса? Мне про культ Гелиоса как-то крайне мало известно. Масштабы богов совершенно несопоставимы.

Кто у меня слушал курс древнерусской литературы, тот знает, как я вдохновенно ругалась на «Слово о полку Игореве». Поскольку таковых меньшинство, я эту ругань с удовольствием повторяю. Кто на Руси-матушке был богом солнца? Это был Хорс. Бог солнца, движущегося по небу. О нем мы знаем в основном из «Слова о полку Игореве». Автор «Слова» очень положительно относится к князьям и явно ставит их выше богов. В частности, есть в этом памятнике явно отрицательный персонаж — Всеслав Полоцкий. О нем говорится, что он оборотень и «Великому Хрѣсови влъком путь перерыскаше», то

есть он, обернувшись волком, великому Хорсу пересекал путь. У кого есть автомобиль? Особенно хороший, дорогой. А у кого нет — можете вообразить. Едете вы на таком «бентли», а вам нахал на жигуленке дорогу пересекает! Кто такой Хорс? Хорс бог. Кто такой Всеслав? Князь, человек, смертный! Князь пересекает богу солнца дорогу! И что может сделать бог?! Бог ничего не может ему сделать! Кстати, и у Гелиоса были примерно сходные трудности с Гераклом, так что вот эта наглость Всеслава — это явно больше, чем вымысел автора «Слова», это очень похоже на отголоски мифа.

Вот так по-хамски ведут себя герои с богом солнца — но не с богом света! Кто был богом света на Руси в эпоху двоеверия — это вопрос очень сложный и неоднозначный. Есть предположения, что это был Дажьбог, с которым даже автор «Слова о полку Игореве» обращается весьма уважительно.

Если мы рассмотрим Индию, то там положение бога солнца и бога света будет несколько менее напряженным, но это тоже два со-

вершенно разных бога. Бог солнца — Сурья, бог света — Савитар. И имя Сурья, и имя Савитар этимологически родственны соответственно русским «солнце» и «свет». Кто из них более могущественный — сложно сказать, но при этом описываются они совершенно по-разному. Сурья — это персонаж. Поскольку солнце движется по небу, то без объяснений ясно, что у Сурьи будет колесница. В эту колесницу запряжено семь коней, они же семь поэтических размеров священных гимнов. Сурья может представлять как колесничий, как конь в собственной колеснице, он весьма подробно представлен в мифах, но именно в аспекте движения. Что касается Савитара, то практически единственная известная часть его облика — это руки-лучи, которые он простирает над миром. Больше никакой конкретики. При этом по частоте обращений к ним они примерно на равных.

Итак, противопоставление солнца и света очень четкое. И сюда же: у Козьмы Пруткова было велемудрое рассуждение на тему, что полезнее — луна или солнце? С ответом «по-

лезнее луна»: луна светит ночью, когда без нее темно, а «солнце светит днем, когда и без того светло».

Как было сказано, если у нас представление мира до бытия — это беспредельные воды, то возникновение мира связано с возникновением суши. Если мир до бытия — это темнота, то возникновение мира — возникновение света. Где мы встречаем подобного рода миф кроме Библии?

Это совсем недалеко: Египет. Можно возразить, что в Египте речь идет о рождении солнца. С одной стороны, во всех книгах по египетской мифологии пишут о боге солнца Ра; с другой стороны, есть фараон Эхнатон с его богом Атоном. Вы знаете, что Эхнатон отменил всех богов, установил культ Атона, бога солнца. Стоп. На этом месте у внимательного читателя возникает вопрос: так кто бог солнца — Ра или Атон? Дело в том, что, когда мы видим изображение Ра, мы его видим в виде человека, или человека с головой сокола, или просто сокола — и у этого сокола всегда на голове будет солнечный диск. Этот

диск и есть Атон, бог солнца. Так что Ра получается скорее богом света. Атон имел культ ровно при одном фараоне на протяжении трех тысяч лет истории Древнего Египта. Та же самая парадигма: бог солнца вторичен по отношению к богу света.

От чего в Египте зависит плодородие? От Нила. У евразийских народов плодородие зависит от весенних гроз, поэтому не удивительно, что небо представляют мужчиной, землю женщиной, а весенние грозы половым актом. В Египте грозы — в пустыне. И поскольку плодородие не зависит от гроз, то пара небо и земля оказывается перевернутой. Небо предстает женщиной, а земля мужчиной. Нас интересует женщина — это богиня неба Нут. В архаичных мифах она предстает рекой и одновременно... коровой (вопрос «как можно плавать по корове» египтяне не задавали; в мифологии самые разные объекты могут отождествляться, если несут общую символику). В глубокой архаике Нут также имеет черты богини-матери. Она, не имея мужа, порождает каждое утро золотого

теленка из своего, извините, восточного отверстия. В течение дня он плавает по ней — и к вечеру, уже состарившимся, доплывает до ее горла на западе. Нут его глотает, от зачатия она беременеет, и утром она снова его рождает. Не спрашивайте меня о том, как это началось, — для египтян этот миф цикличен. Зачатие от проглатывания — это стандартный мифологический ход, вам он лучше всего известен по сказкам*. Поскольку имя «Нут» однокоренное к слову «Нуну», первозданные воды, то миф о небесном теленке — это трансформированный миф творения.

В том же Египте есть и другое представление об акте творения. Простираются беспре-

* В старых книгах по мифологии пишут, что так называемый дикарь не знал физиологических условий зачатия и поэтому считал, что, чтобы зачатие состоялось, надо съесть, или выпить, или совершить какие-то магические действия. Когда такое читаешь, то видишь, что кто-то точно чего-то не знал, но вряд ли дикарь. То есть мы условия зачатия знаем, а дикари, живя в жуткой скученности (так теплее!), где всё у всех на виду, считая и супружеские пары, ежегодно видя спаривание животных, — дикарь не знал? Это абсурд. Но откуда же тогда все поверья? Дело в том, что вся магия касается *дополнительных* условий зачатия. В случае реальной обрядовой практики все это идет дополнительно к половому акту. В случае мифа возможно самооплодотворение и прочие чудеса.

дельные воды, в них поднимается лотос, он раскрывается — и в нем находится новорожденный бог солнца. Снова тот же сценарий: из темных вод возникает первая суша. Лотос в данном случае выступает как первая суша, мифы о появлении земли и света объединены.

Триаду «темно, холодно, мокро» мы не воспринимаем как деструктивную и страшную, потому что современная цивилизация очень хорошо отделила себя от природы и обезопасила. Я расскажу один случай из жизни. Наш институт находился в Замоскворечье, между Москвой-рекой и Обводным каналом. Идешь вечером на лекцию, и надо пройти через мост. Всего лишь мостик через канал! Но октябрь-ноябрь, под тобой чернющая вода, холодно, тебе ветер навстречу... тебя этим «темно, холодно, мокро», этим первозданным ужасом, этим Ничто с большой буквы так накроеет, что сразу понятно, откуда эти представления берутся.

Так что поговорим о чем-нибудь теплом.

Если мир до бытия описывается как холод, то логично, что сотворение мира есть как воз-

никновение тепла, а точнее — жара. В конкретных мифах, конкретных сказаниях тема жара представлена очень слабо; очень мало текстов, где он есть. Но есть. Этот образ нам дает Индия: тексты Ригведы — собрания индийских гимнов, которые были сложены примерно с XII по X век нашей эры. Понятно, что за три века любая цивилизация пройдет довольно существенный путь. В частности, жреческая культура прошла достаточно мощный путь от классического язычества до сложной философской и, пожалуй, монотеистической религии. Держите парадокс: само по себе многобожие признаком язычества не является. Чуть позже мы с этим разберемся, а пока поговорим о древних индийцах.

Представьте: вы — жрец. Каждое утро вы встаете, совершаете телесное и душевное очищение и начинаете *хранить гимны*. Каким образом? Я сейчас сделаю еще одно отступление, оно нам сегодня понадобится.

Для каких текстов у человечества возникает письменность? В каждой культуре ее первые тексты — про что? Самые ранние? Это две

темы: кто кому что должен и где граница моих владений. Запомните раз и навсегда: письменность возникает в обществе для сугубо утилитарных, приземленных, бытовых, а не возвышенных записей. Чем более высок по статусу текст, тем дольше он будет существовать в устной форме. При этом память древнего человека, а в некоторых случаях память архаичного человека во много раз больше нашей. Соответственно, хранить в памяти огромные тексты было очень просто для древнего человека. (Помнится, у нас еще в учебнике истории было сказано, что в Афинах при Перикле было обычным делом знать «Илиаду» и «Одиссею» целиком наизусть. Тем более что там стихи и распев.) Отношение к *звучащему* слову как к слову *священному* нам сегодня понадобится во всю мощь.

Итак, индийцы три века складывались гимны «Ригведы» и естественно, что эти тексты не были записаны. Как долго и с какой точностью они хранились? Вы думаете, что они хранили гимны с точностью до слова? Вы ошибаетесь! Они хранили гимны с точно-

стью до звука на протяжении более тысячи лет. Каждый день жрец хранил положенную ему часть священных текстов. Вслух и нараспев. И так каждый день. Поэтому пусть вас (когда мы дойдем до соответствующих мифов) не смущает такой сюжет: едет громовержец убивать очередного монстра, встречаются ему семь мудрецов и отправляются вместе с ним, а следующий сюжетный ход — мудрецы своим пением проломили скалу. То есть если мудрецы идут, то они хранят гимны. Идут и хранят в семь глоток, слаженным хором. Библиотечные работники в бесписьменном обществе: священное предание вместо строевой песни.

И уже без шуток. Если вы человек из такой семьи, если ваша семья на протяжении трех веков хранит некий корпус текстов, то что для такого человека представляется священной силой, движущей миром? Я хочу подвести вас к той мысли, что в какой-то момент в сознании жрецов, то есть интеллигенции трехтысячелетней давности, совершается сдвиг. Процесс хранения в сознании носителя пре-

вращается в некую самоцель, и возникает мысль о том, что если не хранить эти гимны в неизменности, то окажется невозможен ритуал и, выражаясь научным языком, акт коммуникации между людьми и богами не осуществится. Следовательно, центром мироздания начинает представляться Слово, но не некое абстрактное, а абсолютно конкретное слово, которое лично вы и ваша семья храните три века. Заметьте, чтобы сохранить гимн в неизменности, вам нужно его петь. Значит, не просто слово, а слово звучащее. Оно вам начинает представляться абсолютным.

А теперь вопрос: как такой жрец будет относиться к идее мощи богов? Можем ли мы назвать этого жреца язычником? Язычник — это не тот, кто верит в существование некоего корпуса языческих богов, потому что такой человек может быть и пантеистом. В современном обществе, в среде неформальной, ролевой и туристической пантеизм очень сильно развит, существование персонажей разных пантеонов (кельтского, славянского и так далее) принимается. Но пантеисты не верят

в помощь от этих богов, не взаимодействуют с богами по принципу «я даю тебе — ты даешь мне» (жертва и ответ на нее). Пантеист воспринимает мир как живой (с рекой, лесом, скалой можно общаться, с ними нужно вести себя вежливо), но при этом постоянного ритуального общения, систематического взаимообмена не предполагается. Эти люди не язычники. Возвращаясь к индийскому жрецу, он верит в существование языческих богов, но по мировоззрению он уже не язычник. Он приближается к протоформам монотеизма, только монотеизма стихийно возникающего, еще формирующегося. Для него такой божественной силой, на которой зиждется мир и от которой зависят боги, является сакральная речь.

В одном из поздних гимнов «Ригведы» есть гимн, обращенный к божественной Речи (Вач), которая предстает некой абсолютной силой мироздания. Теперь вам понятно, откуда это представление возникло. А еще вы мне хотите сказать про Евангелие от Иоанна, а о нем мы будем говорить чуть попозже. И лучше вспо-

мнить Ахматову — про «великое русское слово», это поближе к «Ригведе», потому что это тоже абсолютизация поэтического слова в среде интеллигенции.

Сейчас для вас, я надеюсь, стал более понятен естественный переход интеллигенции из язычества в монотеизм, причины, по которой утрачивается вера в эффективность взаимодействия с богами. Дальше в индийской интеллигенции начинается, говоря словами классика, «разброд и шатание». В Индии в конце X века возникает безумное количество версий абсолютного бога. Одна из версий абсолютной силы — жар. Вот наконец мы и дошли до темы жара как первопричины бытия.

Из тысячи гимнов «Ригведы» последние два гимна — это гимны, обращенные к космическому жару: силе, разгоняющей изначальный хаос, на которой всё зиждется. Но любопытно, что для индийцев жар не совсем обычная в нашем понимании вещь. По-индийски жар — «тапас», сила мученичества.